

Секция 3 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

21 мая 2016 г. Лекционный зал № 3, СПбГУП

Руководители секции:

- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

С. А. Антипин¹

ЧТО СУЛИТ НАМ КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

В последнее время участились заявления либералов различного толка о том, что китайское экономическое чудо закончилось, наступает конец китайскому экономическому росту, прогнозируется крах китайской экономической модели. Действительно, экспорт Китая в январе 2016 года снизился на 11,2 % в годовом исчислении. В январе объем внешней торговли Китая опустился на 9,8 %. Кроме того, в прошлом году фондовый рынок Китая сменил бычий тренд на медвежий и председатель комиссии по фондовой бирже лишился своего поста. Может быть, это связано с тем, что китайский юань пошел вниз, как считают международные спекулянты, например Сорос. Что же на самом деле происходит с китайской экономикой? Нас не могут не интересовать эти вопросы. Ведь при «жесткой посадке» Китая российская экономика будет иметь дополнительные проблемы.

Подобным образом могут рассуждать люди, которые не имеют никакого представления об экономике КНР либо сознательно передергивают факты. Китай постоянно проводил изменения в своей экономической политике, но все они имели положительный результат. В 1972 году Китай получил крупные ино-

странные кредиты и не рассчитался по ним, поэтому иностранные инвесторы ушли из страны. Однако уже в 1978 году более удачливые вернулись в Китай с новыми инвестициями. Это произошло благодаря тому, что в том году Китай провозгласил политику реформ и открытости. Эта политика позволила ему активно включиться в процесс глобализации, в чем Китай преуспел настолько, что стал объектом постоянного обсуждения научной общественности.

В этот момент китайское руководство сумело своевременно сориентироваться в условиях глобализации и использовать ее преимущества в интересах своей страны, действуя под лозунгом «Светлое будущее, но путь извилистый». Именно глобализация мировой экономики стала важным обстоятельством, способствующим успеху КНР. Она создала преимущества для развивающихся стран, поскольку знания, технологии и комплектующие стали более мобильными и доступными для них. В мире, состоявшем из отдельных рынков, защищенных таможенными барьерами, различными торговыми запретами, товары и информация распространялись медленно. Это создавало виды конкуренции, отличные от нынешних — глобальных. В настоящее время товары и информация распространяются по миру мгновенно. Подобно тому, как китайцы впервые в мире использовали реактивный двигатель, они оказались на данном этапе сильнее других в использовании возможностей логистики издержек. Их опыт, безусловно, заслуживает глубокого изучения ведущими мировыми компаниями, поскольку их собственная стратегия вымостила китайцам путь к успеху.

¹ Профессор кафедры менеджмента и логистики на транспорте Самарского государственного университета путей сообщения, доктор экономических наук. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «Почему процветает китайская экономика. Конъюнктура оптовых рынков», «Влияние национальной культуры на развитие экономики. Феномен экономического успеха Китая», «Экономическая стратегия КНР. Геополитические риски современной мировой экономики», «Вызовы российской экономике на современном этапе глобализации», «Прямые инвестиции в обрабатывающую промышленность США» (в соавт.).

Например, стремление получения комплектующих из-за рубежа, растущая модульность товаров и услуг, «глобальная экономика знания», более доступный рынок талантливых специалистов и профессиональных услуг, а также растущая возможность скупать иностранные компании.

На наш взгляд, главной отличительной особенностью китайской глобализации от российской и других, осуществляемых на основе «Вашингтонского консенсуса», является отказ от шоковых терапий, навязанных западными консультантами развивающимся странам. Результаты подобных преобразований известны. Применение правил «Вашингтонского консенсуса» привело к краху экономики Аргентины, Индонезии, России и других стран. В свете последних мировых событий стали очевидны и цели вашингтонских советчиков. Сейчас мы видим результаты так называемых «демократических преобразований» в ряде африканских стран, на Украине и в некоторых странах Евросоюза. В отличие от них китайская глобализация осуществлялась постепенно.

Китайцы провели хорошо продуманный экономический эксперимент. Они создали несколько свободных экономических зон на юге Китая, недалеко от Гонконга. Например, г. Шеньчжень, расположенный в непосредственной близости от Гонконга, был создан как образец социалистического мегаполиса в противопоставление символу капитализма — Гонконгу. План Дэн Сяопина удался, и г. Шеньчжень из сравнительно небольшой деревни превратился в современный мегаполис с населением около 10 млн человек, развитой промышленностью, Политехническим университетом со своим технопарком и множеством выставочных павильонов.

Особенности китайской глобализации широко обсуждаются на Западе. В книге Джошуа Купера Рамо «Пекинский консенсус» она представлена в противоположность понятию «Вашингтонский консенсус», появившемуся в начале 1990-х годов. В «Вашингтонском консенсусе» сформулированы 10 неолиберальных правил для преобразования экономики стран Латинской Америки. К ним относились: 1) снятие тарифных барьеров; 2) нерегулируемая государством экономика и др.

В «Пекинском консенсусе» правила противоположны: 1) стремление к инновациям в экономической, политической, социальной сфере, но с учетом китайской специфики; 2) социальная сфера должна развиваться параллельно с экономикой; 3) необходима асимметричность в развитии, то есть китайская модель может разворачиваться, не втягиваясь в гонку вооружений. Однако Китай при этом может парализовать США. Золотой запас первоначально нужен был для защиты от экономического краха, как это произошло в ряде стран в 1997–1998 годах. Затем он стал необходим для гарантии поставок сырья (прежде всего нефти) и энергии, чтобы бесперебойно росла промышленность. В настоящее время данный запас служит целям защиты суверенитета Китая. Золотой запас может способствовать финансовому сокрушению противника, если он попытается, например, начать ядерную войну¹.

Откажемся от общепринятой западной, европоцентристской модели исторического развития и включим Китай, Восток в целом и восточные философские и политологические построения в общий контекст глобальной трансформации мира. В русле интеллектуальной традиции XX века сущность переживаемой глобальной трансформации мира принято описывать сквозь призму борьбы двух родившихся в Европе общественно-политических течений — либерализма и социализма. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что, объединив планету современными промышленными технологиями, Запад так и не сумел ликвидировать различий в духовной культуре населяющих ее народов. При этом марксизм, возникший как интеллектуальная и нравственная реакция на изъяны капиталистического развития на Западе, был воспринят и использован прежде всего на Востоке, поскольку оказался ближе существовавшему там (в первую очередь в Китае) цивилизационным моделям. С этой точки зрения формальную победу либерализма в 1990-е годы можно рассматривать как продолжение противостояния традиций восточной духовности и западной техногенности, что значительно расширяет контекст проблемы. И те проблемы, с которыми сегодня столкнулся западный мир, позволяют говорить о том, что эта победа была временной.

На протяжении XX века был выработан особый тип социально-исторического движения, обязательным условием которого являлось наличие цели трансформации — вхождение в европейскую цивилизацию. Сейчас это условие уже не обязательно. Ведь Китай дает новые перспективы. В результате подробного анализа происходивших и происходящих сегодня в Китае социально-экономических изменений мы, реконструируя логику исторического развития этой страны и сравнивая ее с опытом России, пришли к выводу, что Китай, пожалуй, нашел тот механизм, который способен стать примером трансформатора, переводящим традиции в современность, тот особый механизм социального регулирования, который подходит как социокультурной традиции, так и динамично развивающейся социально-экономической среде.

Возрождение традиционных форм общественной жизни существенным образом ограничило господство экономического детерминизма, приведя к снижению роли социально-экономических критериев в пользу социокультурных. Что позволяет говорить об особой притягательности китайской модели для стран — представительниц восточной цивилизации (к ним многие сегодня относят и Россию).

Доминирование Запада, породив чувство превосходства, одновременно указало предел, которого достигла его агрессивно-деятельная сущность. Восстановить ощущение гармонии могла только соответствующая высокому уровню материальной культуры духовность, понимаемая как характеристика общественных, сугубо социальных отношений. Пессимизм западной философии, исчерпавшей внутренние ресурсы, в значительной мере вызван воспоминаниями о религиозной, восточной, средневековой фазе развития и опасениями, что Европе снова придется раствориться в Вос-

¹ http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/49/10.pdf

токе, который с самого начала воспринимался как оппонент, не позволял выйти из бинарной логики и говорить о синтезе как о новом, третьем элементе исторического пространства. Восток, наоборот, демонстрирует деятельностный оптимизм на основе уже осуществленного синтеза. Породив Запад, он, похоже, готов принять его обратно, но уже с приданным в виде науки и техники. Можно прийти к следующим выводам: во-первых, существуют и альтернативные либеральному пути экономического развития; во-вторых, стране необязательно становиться частью системы США, в которой пытаются навязать другим странам удобные им правила игры.

Существуют два возможных толкования понятия «Пекинский консенсус» (Beijing yizhitongyi), одно

из них — «китайская модель развития». Модель — это условный образ объекта, сконструированный в целях научного исследования. Это уже не просто согласие политиков и средств массовой информации в отношении некоего глобального проекта, а движение к выводу об универсальности китайского пути развития, о возможности экономической эффективности однопартийной системы, незаменимости государственных предприятий и политических банков, долгосрочной допустимости государственного регулирования свободного рынка. К пересмотру, наконец, политической и экономической закономерности развала Советского Союза. Не стоит ли нам присмотреться к положительному опыту восточного соседа?